

**ЩУРИНА ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА,
НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК НАУЧНОГО ОТДЕЛА ФГБУК
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

**КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ИСКУССТВО
РЕЗЬБЫ**

Собрание Кирилло-Белозерского музея-заповедника включает значительное число резных предметов, выполненных из разных материалов, в том числе из дерева. Преобладание в коллекции изделий северных мастеров совсем не случайно. На Севере издавна процветало искусство резьбы по дереву, отличавшееся здесь высоким художественным уровнем. Крупные мастерские были во многих северных городах, в том числе в Архангельске, Великом Устюге, Вологде, Сольвычегодске, Тотьме. На территории Белозерья одним из значимых центров резного мастерства был Кирилло-Белозерский монастырь.

Монастырские описи повествуют о красивых резных изделиях, имевшихся во многих его храмах. Особенно впечатляет разнообразие мелкой деревянной пластики в церкви Иоанна Лествичника. В Успенском соборе и церкви Кирилла исчислялись десятками большие и малые резные позолоченные киоты, складни, кресты, расписные литургические сосуды, подсвечники, привесы в драгоценных оправках у икон. Ризницы были наполнены резными вещами, многие из которых были в дорогих окладах и, очевидно, являлись вкладными. В хозяйственных помещениях хранилась многочисленная деревянная повседневная утварь. Известно, что монастырь покупал резные произведения и принимал их в дар от знатных попечителей. Однако сведения о поступивших таким образом вещах не сопоставимы с тем их количеством, какое имелось в монастыре. Обилие резных изделий при одновременно скудных упоминаниях о заказах и закупках на стороне предполагало наличие своей мастерской, обеспечивавшей монастырь изделиями церковного и бытового обихода в необходимом количестве.

Приходно-расходные и вкладные книги, описи монастырского имущества дают представление о деятельности кирилловской мастерской, первые упоминания о которой относятся к XVI веку. В 1567–1568 годах за оградой Ивановского монастыря стояли 8 мастерских изб, включая строившуюся токарню [19:158]. Мастерские постоянно расширялись, появлялись новые палатки. В Смутное время, когда мастерские подверглись разорению, ремесленные работы не останавливались и продолжались уже внутри монастыря. Затем мастерские снова были перенесены на место, постоянно обустроивались, а со второй половины XVII века они оказались окруженными мощными стенами Нового города.

Со второй половины XVI века и на протяжении всего XVII столетия монастырь содержал значительный штат ложкарей, крестечников, посошников, токарей, судописцев. Изготовление изделий зачастую становилось общим делом, объединявшим мастеровых людей этих специальностей. Выточенные изделия дорабатывали резчики и судописцы, придавая им дорогой праздничный вид. В особых случаях к росписи привлекались иконописцы. В основном, все мастера происходили из вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. Одни из них подвизались по найму, пополняя со временем число монастырских жалованных мастеров, другие изначально работали на месте. Случалось, когда ремесленники принимали постриг [15:63; 11:280, 294, 346].

Учетные монастырские книги сохранили в истории имена некоторых мастеров, обозначив периоды их деятельности. Некоторые ремесленники упоминаются в течение определенного, иногда очень длинного, временного промежутка. Другие возникают внезапно, и далее сведения о них теряются. Так, например, известно, что в обители во второй половине XVI – первой трети XVII века работали 11 крестечников. Судописцев – четыре человека, а в 1681–1685 годах – семь. В первой половине XVII столетия было восемь ложкарей и девять токарей. В начале XVII века появляются жалованные мастера. В конце XVII века в монастыре трудились уже целыми династиями,

как судописцы Филипп (1669–1692) и его дети (1691–1692)¹. В 1697 году мастеров, подчинявшихся казначею, насчитывалось 111 человек [12:54]. Это единственный период, объединивший такое количество мастерового люда. В предшествующие и последующие времена его числилось в три раза меньше.

Ведущие мастера получали денежного жалования в год 2 рубля да 4 деньги на лучину, «месного хлеба ржи по 4 четверти овса по тому ж соли по пуду». В зависимости от квалификации остальным ремесленникам платили еще меньше. Некоторые лошкар и токари имели за работу по рублю 3 алтына 2 деньги. Ученикам выдавали лишь на лучину 4 деньги в год [12:49–54]. Такая система оплаты по статьям существовала и ранее, в начале XVII века. На ее фоне суммы некоторых вкладов ремесленников просто впечатляют. В 1572 году крестечник Влас внес в монастырь 10 рублей, в 1598 году Евфимий-крестечник – 6 рублей [13:355 об, 658 об]. В 1606–1611 годах [13:385 об.–390; 11:300, 309] во вкладчиках были замечены старцы-ложечники Матфей и Васиян, отдавший монастырю целых 32 рубля. Очевидно, ведущие мастера, как и их ремесло, были востребованы и вне монастырских стен. Известны истории, когда мастера выполняли частные заказы. В их числе – судописец Петруня, покупавший в 1634–1635 годах у монастыря расходные материалы для своей работы [27:332, 347, 349].

В первой половине XVIII столетия мастерская продолжала функционировать при одновременном снижении количества работников, что вполне объяснимо экономической ситуацией, сложившейся в монастыре в периоды реформ. Многие ремесленники уходили из жалованных мастеров, стараясь промышлять своим рукоделием самостоятельно, выполняя единовременные заказы по договорам. Предложения монастыря для них были неприемлемы. Они не соглашались выполнять разнообразную работу за имевшееся жалование, уравниваемое для специалистов разной квалификации. Дальнейшее существование мастерских оказалось под угрозой закрытия. Непростые условия требовали от монастыря постоянного поиска экономии средств и получения дополнительной дохода. На этом этапе

одной из первых нерентабельной оказалась деятельность серебряной палатки, разовые заказы в этом случае стали выгоднее. Не менее в плачевном положении затем оказались и другие мастерские. Некоторое время не останавливалось производство продукции, которая и раньше была востребована и приносила прибыль монастырю – написание икон на раздачу, тиражирование изделий мелкой резной пластики, имевших стабильный рынок сбыта. В 1738–1760-х годах еще продолжала исправно работать токарная мастерская, где числились четыре работника [1, 2, 3]. В этот период происходило и активное обучение ремеслу, необходимого для обеспечения потребностей монастыря. Резчики перенимали опыт у ведущих мастеров в самом монастыре и других местах, куда их отправляли на обучение. Последнее обстоятельство, возможно, было связано как с определенными трудностями организации обучения на месте, так и с необходимостью постижения нового. Так в 1763 году служитель Егор Иконников учился резному искусству у дворового человека Голицыных [19:174] на московском подворье. Отправлялись на обучение в Москву и Санкт-Петербург и иконники. В свою очередь они имели своих учеников–судописцев [27:277]. Причины, побудившие заниматься судописным делом, у всех были разные, но нередко они были связаны с тяжелым финансовым положением в семье. Михаил Мельников (1746) объяснил свое желание научиться судописному мастерству скудным доходом отца, работавшего на монастырской уломской мельнице («у отца своего кормиться мне последнему нечем» [19:174]). Набравшись опыта, судописцы начинали выполнять и иконописные работы: исправлять иконное письмо, изготавливать иконы на раздачу, недостаток которых испытывался в монастыре в 1760-х годах. В 1774 году иконным ремеслом занимались шесть человек [4:6 об]. Очевидно, они были одними из последних мастеров монастырской иконописной мастерской, закончившей свое существование, по мнению О.В. Лелековой [19:177], в 1770-х годах. Аналогично сложилась ситуация и с деревщиками [4:6 об].

На протяжении всего времени своего существования мастерская обеспечивала монастырь разнообразной утварью для внутреннего употребления и продажи, пополнявшей казну. На Руси пользовались особой популярностью кирилловская посуда (различные сосуды, ложки) и посохи. Особенно охотно приобретались кирилловские ложки даже в тех местах, где изготовление подобного товара было хорошо налажено, как в Иосифо-Волокلامском монастыре. В свою очередь Кириллов монастырь иногда закупал их продукцию и завозил партии столовых приборов из Твери и других мест [27:52, 275]. В монастыре выпускали ложки с «лицом», украшенные резными деревянными или костяными черенками. Они высоко ценились, считались парадными и были широко известны в стране. В самом монастыре братия пользовалась столовыми приборами без изысков, дешевыми и простыми, – с «прямизной». Остальная посуда тоже отличалась в зависимости от ее дальнейшего использования. Для подношений и продажи ей придавали дорогой вид, обрабатывая заготовки из ценных пород дерева. Дерево для изготовления посуды использовали разное как дорогое привозное, так и более доступное – кипарис, чинару, вяз, карельскую березу дуб, липу, ольху, осину и другой материал. Древесину заготавливали на месте, покупали на монастырских ярмарках, у сельских и городских поставщиков. Часто приобретали дерево репчатое (древесина платана или каповые наплывы на стволах берез в форме репы [30]). Каповые наросты на корнях и стволах деревьев могли быть разного объема, иногда они достигали огромных размеров. Деревщики высоко ценили этот материал за его красоту и прочность, позволяющую вырезать тонкостенные изящные изделия с великолепным природным орнаментом. Стоимость его зависела от качества и размера дерева. Например, репчатые деревья, приобретённые в 1626–1627 и 1636 годах в Белозерске и Санникове, заметно отличались ценой. Большое дерево стоило 2 рубля, 3 малых всего 9 алтын, а 15 деревьев средних – 24 алтына 4 денги [27:274, 276, 339]. Готовая продукция в этом соотношении

получалась достаточно выгодной. В 1626 году за одну репчатую ложку, проданную в Нилов скит, запросили 3 алтына 2 денги [27:252].

Запас разнообразных по форме, отделке и уровню исполнения вещей для повседневного применения, подношений и продажи всегда хранился в ризницах. Впечатляет объем ассортимента монастырской продукции, находившейся в 1601 году в казенной палатке. Ложки, ножи, братины, блюда, стаканы, футляры для них, черенки и прочая утварь хранились многими десятками и сотнями [23:174, 179–180]. Приблизительно оценить масштабы производства утвари позволяют приходно-расходные книги. В них только закупки заготовок для ложек исчислялась сотнями в месяц (например, только в ноябре 1618 года было приобретено 700 отесков шадровых на ложки за рубль 3 алтына 2 денги [27:103, 177]) и тысячами в год.

Очевидно, свои монастырские мастера не справлялись с таким объемом работы, и для его увеличения и поддержания производства в соответствии со спросом приобретались заготовки, которые в монастыре доводили до художественного уровня. Нередко для этой цели привлекались ремесленники по найму [27:272, 277]. Сторонним кустарям заказывалось изготовление необработанных различных футляров-ставов, предназначенных для хранения и транспортировки посуды, а также чаш, чашек, солонок, ковшей, тарелок, баклуш ложек. Изготовлением последней продукции могла заниматься вся семья ложкаря, подразделяя свой труд на несколько специальностей: баклушечника, собственно ложкаря, завивальщика, вытачивающего черни на специальном **токарном станке (КБИАХМЗ Д-228/1)**, и при необходимости красильщика, выполнявших разное количество отдельных деталей в зависимости от сложности операций [20].

Фотография 1. Токарный лучковый ложкарный станок. Конец XIX века. Поступил от В.И. Зимина (в дар) по акту № 136 от 23 июля 1957 года. КБИАХМЗ Д-228/1
Заготовка для изготовления деревянной ложки. Конец XIX века. Поступила от В.И. Зимина (в дар) по акту № 136 от 23 июля 1957 года. КБИАХМЗ Д-228/7

Для закупки заготовок выезжали мастера первой статьи, способные оценить качество приобретаемого товара [27:161, 185, 273]. Мастера ездили в Заозерье, Санниково, Белозерск, Вологду, Ярославль и другие города, известны случаи посещения и Каргополя. Монастырь приобретал для работы расходные материалы (краски, олифу, золото, серебро, клей, яйца и прочее) и производил покупку костяных пластин, которые использовались для инкрустации ложек, в том числе дорогой моржовый зуб, бивень мамонта, китовый ус, вывозимые с Севера. Для вставок использовали и другой более дешевый и доступный костяной материал, получаемый из оленьих и лосиных рогов, мелких костей рыб. Искусство миниатюрной резьбы по кости, по мнению И.И. Плешановой, было развито в ближайшем от монастыря художественном центре – в Вологде и его Спасо-Прилуцком монастыре

[26:259–260]. «Присадки» резной миниатюры из моржовой кости придавали изыск изделиям. Особо ценными с такими черенками становились ложки, которых, вероятно, упаковывали не только в общий став, но и иногда для них заказывали индивидуальные вязанные футляры, которые выплетали и кирилловские старцы [27:357, 372].

Несмотря на невероятный объем выпуска подобной утвари, в собрании Кирилло-Белозерского музея нет ни одной ложки собственного производства. Отдельные экземпляры хранятся в нескольких музейных собраниях и частных коллекциях. В Кирилло-Белозерском музее находится ложка, представляющая образец сергиевopосадской резьбы XIX века. В музейной коллекции обращают на себя внимание два деревянных расписных **потира XVII–XVIII веков (КБИАХМЗ Д-19, 28)**, происхождение которых, вероятно, можно отнести к кирилловской мастерской.

Фотография 2. Потир. XVII–XVIII век. Кирилло-Белозерский монастырь (?)

КБИАХМЗ Д-19

В XVI столетии складывается тип кирилловских крестов, изготавливаемых местными крестечниками, – небольших, четырехконечных, в большинстве своем с характерными выемками у средоскрестия и в навершии, и резными изображениями святых в нижней части вертикальной балки. В числе святых обязательно представлены образы основателя Кирилло-Белозерского монастыря и его учителя, преподобного Сергия Радонежского. Сырье, заготовки для изготовления крестов монастырь активно скупал у поставщиков, распределял заказы между своими и наемными мастерами. Большими партиями приобретались от 1 до 12 денег за штуку кремлевые (дубовые) кресты. Только в 1568 году таких крестов было закуплено 1500 штук [25:232]. Вырезались кресты из сандала и других ценных привозных пород дерева. Примером таких изделий служат два креста из вологодского собрания. Один из них XVI века поступил из Дионисиево-Глушицкого Сосновецкого монастыря, второй – крест-ставроотека XVI–XVII века (ВОКМ 5443). С деятельностью кирилловской мастерской, по всей видимости, связано изготовление выдающегося памятника декоративно-прикладного искусства начала XVI века – **напрестольного креста (КБИАХМЗ ДЖ-956)** из коллекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Фотография 3. Крест напрестольный. Распятие с предстоящими. Троица. Избранные Святые Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Григорий Богослов, Николай Чудотворец. Начало XVI века. Кирилло-Белозерский монастырь (?) КБИАХМЗ ДЖ-956

Утонченность и округлость линий, изысканная проработка образов позволяет рассматривать это произведение в кругу памятников, испытавших влияние искусства Дионисия. Под влиянием этих традиций выполнено моделирование пропорций фигур, мягко вырезанных в высоком рельефе в подножии креста конца XVI века. В XVII веке он был врезан в доску-ставротеку, поверхность которой плотно покрыта резным текстом из тропаря, посвященного образу Спаса Нерукотворного (глас 2) и канона на Воздвижение Креста Господня (КБИАХМЗ Д-29).

Фотография 4. Икона–ставроотека «Тропарь Христу». Крест. XVI век.

Кирилло-Белозерский монастырь. Икона. XVII век. Кирилло-Белозерский монастырь.

КБИАХМЗ Д-29

Высоким качеством работы кирилловских резчиков отмечено второе произведение с рельефными памятными надписями на лицевой стороне – **четырёхконечный крест**, появившийся в 1638 году на вторичное освящение церкви Архангела Гавриила Кирилло-Белозерского монастыря (КБИАХМЗ Д-10).

Фотография 5. Крест на освящение церкви Архангела Гавриила. 1638 год.

Кирилло-Белозерский монастырь. КБИАХМЗ Д-10

Кресты, принадлежащие к группе памятников, созданных резчиками Кирилло-Белозерского монастыря, хранятся во многих отечественных и зарубежных коллекциях, в том числе в кремлевском собрании (Кат. 14, 15, 16 [31:108–114]) и коллекции Л. Вычезанина (Париж). Среди них встречаются памятники, имевшие некогда полихромную раскраску.

В Кирилло-Белозерском монастыре, специализировавшемся на выпуске произведений мелкой пластики, ремесленники, по-видимому, работали и над более объемными предметами, что логично объясняет наличие в его церквях значительного числа больших и малых киотов и резных икон, и другого убранства. Несколько монастырских храмов в XVI–XVII веках имели

одинаковый резной декор тябел. Такой объем идентичных и практически одновременных изделий дает основание связать их происхождение с одной мастерской. Самой близкой, где в это время, активно работали резчики, была мастерская Кирилло-Белозерского монастыря. По всей видимости, в 1614 году совместной работой белозерского иконописца Никиты Ермолова и местных резчиков явился с датирующей надписью киот (КБИАХМЗ ДЖ-144) для монастырской реликвии – иконы-портрета Кирилла Белозерского (ГТГ).

Фотография 6. Киот для образа Кирилла Белозерского, написанного Дионисием Глушицким

Киот. 1614. Навершие. Середина XVII века, до 1668 года Кирилло-Белозерский монастырь (?) Живопись. Створки. 1614. Никита Ермолов-белозерец. Навершие. Середина XVII века, до 1668 года. КБИАХМЗ ДЖ-144

В середине XVII века в алтарях Успенского собора и церкви Кирилла возникли прорезные, «с травами» и росписью клиросы и сени, с подзором, точеными яблоками и крестами, посеребренные и позолоченные по полименту [14 а:48]. В этот период и на протяжении последующих 20 лет в монастыре трудился талантливый мастер – старец Павел Ремизов. На годы его работы выпадают значительные и важные заказы монастырю – изготовление набора деревянной посуды из капового дерева по царскому указу, сени для чудотворного образа Тихвинского монастыря. Сам мастер занимался киотным делом и ездил в московское Афанасьевское подворье для осуществления руководства по резке киотов. Его изделия ценил и покупал князь Дмитрий Андреевич Строганов [19:162]. О.В. Лелекова отмечает отсутствие в этот период информации о найме резчиков, что свидетельствует о хорошо организованном процессе внутри монастыря.

Работа своих мастеров над крупными произведениями была скорее исключением. Как правило, ко всем важным заказам, связанным с художественной резьбой по дереву, привлекались мастера из других городов. В музейном собрании находятся первоклассные произведения – Царские врата XV–XVI веков, выполненные резчиками из других художественных центров для Успенской церкви и церкви Иоанна Лествичника (КБИАХМЗ ДЖ-626, 491/1).

В XVIII–XIX веках монастырь не раз заключал договоры с вологодскими мастерами на изготовление новоманерных иконостасов [29:137]. Сохранились несколько этих поздних кирилловских интерьеров, а также их отдельные фрагменты и предметы церковного служения. Нанятыми резчиками были исполнены и четырехконечные запрестольные кресты с живописными медальонами с объемным прорезным орнаментом вокруг них. К работе местных кирилловских мастеров позднего времени, вероятно, относятся монастырские шкафчики, предназначенные для хранения книг, церковных сосудов, облачений. Они размещаются в сушиле и ризнице Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.

Таким образом, выполненный во временной перспективе срез проводившегося резного дела в монастыре показал, что развитие кирилловской мастерской происходило в течение XVI – XVII веков и напрямую было связано с периодом экономического благополучия монастыря. Визитной карточкой центра стала мелкая резная пластика, производство которой зачастую зависело от востребованности. Несмотря на общую типологию вещей, выпускаемых в этой мастерской, уровень их заметно отличался качеством изготовления, зависящим от цели назначения предмета. В более позднее время мастерская прекратила свое существование. Кириллов стал местом работы приглашенных мастеров, выполнявших переустройство иконостасных конструкций в его храмах.

Список источников и литературы

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 1261.
2. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 1332.
3. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2372.
4. ГАВО. Ф. 834. Оп. 3. Ед. 215.
5. ГАВО. Ф. 1147. Оп. 2. Ед. хр. 1363.
6. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 23, 24, 25, 26, 27.
7. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. 27.
8. КБИАХМЗ. ДПА. 4, 5, 16, 56, 249; Оп. 2. Ед. 134; фонд фотографий.
9. ОР РНБ. 72/1311.
10. ОР РНБ. 75 /1314.
11. ОР РНБ. 78/1317.
12. ОР РНБ. 82/1321.
13. ОР РНБ. 87/1325.
14. ОР РНБ. 98/1334 а, б.
15. ОР РНБ. 120/1355.
16. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001.

17. Благословенно древо. Мир православной пластики XVI–XXI века. Каталог собрания Коллекционного Дома Абрамовых / Авт.-сост. Е.В. Давыдова. М.: Коллекционный Дом Абрамовых, 2014. 384 с.
18. Бочаров Г.В. Два памятника прикладного искусства из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. М., 1989. С. 243–250.
19. Лелекова О.В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. // Древнерусское искусство. М., 1989. С. 157–181.
20. Ложкарный промысел [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.russianarts.online/crafts/89669-lozhkarnyj-promysel/> (дата обращения 02.04.2019).
21. Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397–1625). М.: Книга по Требованию, 2013. Том I. 514 с.
22. Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. Том II. 436 с.
23. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
24. Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского» [Электронный ресурс]. – URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/recovery.php?ImageID=2081> (дата обращения 15.02.2018).
25. Плешанова И.И. Вологодские памятники резьбы по кости в собрании Государственного Русского музея // Древнерусское искусство. М., 1989. С. 250–261.
26. Плешанова И.И. Работы кирилловских резчиков в собрании Государственного Русского музея // Древнерусское искусство. М., 1989. С. 232–243.

27. Приходно-расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.: «Альянс-Архео», 2010. 760 с.
28. Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Каталог выставки / Авт.–сост. Т.М. Кольцова. Архангельск–Москва: «Новости», 1995. 207 с.
29. Сарабьянов В.Д. История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря. М.: «Индрик», 2014. 152 с.
30. Смирнов И.А. О производстве деревянной посуды в Кирилло-Белозерском монастыре в первой трети XVII века (1610–1637 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=144780 (дата обращения 15.05.2018).
31. Соколова И.М. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог. М, 2003. 319 с.

¹При подготовке списка мастеров использованы материалы статей О.В. Лелековой, И.И. Плешановой, архивные документы ГАВО, ОР РНБ